

Глава 6

Цзян Умянь слегка повернул голову и скользнул взглядом по собеседнику. На его обычно бесстрастном лице впервые промелькнуло подобие мягкой улыбки.

В этот миг он уловил едва заметное, но поразительное сходство между прошлым и настоящим.

В своей прежней жизни, когда ему приходилось с нуля отстраивать базу выживших, его окружали люди постапокалипсиса — те, кто имел базовое образование и чьи прикладные навыки выживания были развиты до предела. Идя по лагерным дорогам, он постоянно слышал, как соратники обсуждали перспективы развития общины, уровень производительности труда, темпы восстановления технологий и ключевые преимущества их поселения перед другими базами.

Теперь же он стоял посреди пепелища, а перед ним теснился простой люд, который с трудом связывал пару слов на придворном диалекте.

Самым дальним их путешествием за всю жизнь была поездка в уездный город; бескрайние просторы внешнего мира оставались для них скрыты. Непосильный гнёт повседневных забот невидимыми путами намертво привязал их к родному клочку земли. Однообразный, изнурительный труд из года в год выжигал в них природное любопытство. Разум, не тронутый учением, сужал горизонт мышления до крошечного круга насущных потребностей. Всё, о чём они могли размышлять, сводилось лишь к вопросам выживания.

Еда, семена, пашня, урожай...

Бессмысленно было рассуждать с ними о производительности труда или эффективности производства. И всё же их отчаянное стремление зацепиться за жизнь ничем не отличалось от упорства людей будущего.

Гул в толпе постепенно утих. Сотни встревоженных, робких взглядов устремились на изящную фигуру в светло-зелёном чиновничьем одеянии. В этих глазах теплилась робкая надежда услышать заветное «да».

В обещание платить каждый день не верил почти никто. В эти смутные времена избавление от принудительных повинностей уже считалось великим благом, так с чего бы уездному судье вдруг выплачивать им серебро за труды?

Из всех щедрых обещаний Цзян Умяня измученных людей волновало лишь одно: будут ли кормить?

Цзян Умянь предвидел это. Он повернулся к стоявшей у края пепелища страже и коротко кивнул:

— Выносите.

Советник Цзян Цю вместе с пятью стражниками, разделившись на три группы, под удивлёнными взглядами толпы вытащили три тяжелых сундука, доверху набитых медными монетами.

— Каждый, кто подчинится распоряжениям советника Чжан Жуна и выполнит работу на совесть, получит плату за половину дня и двухразовое питание, — объявил Цзян Умянь.

Договорив, он перешагнул через наспех проложенную противопожарную полосу и в несколько шагов оказался рядом с Бай Чуханем.

Ошеломлённые беженцы застыли на мгновение, но затем, словно очнувшись, с криками ринулись вперёд, толкая друг друга и пытаясь пробиться к Чжан Жуну. Солдаты, готовые к такому повороту, мгновенно выставили щиты и оттеснили толпу. Чжан Жун тут же вышел вперёд, чтобы успокоить взволнованных людей и взять положение под контроль.

Как и предполагал Цзян Умянь, когда стоящие на краю пропасти люди получают реальный шанс выжить, они демонстрируют поразительное рвение.

Глядя на то, как беженцы, ещё четверть часа назад напоминавшие безжизненные брёвна, теперь рвались вперёд с напором наступающей конницы, генерал Сюэ Вэнь невольно поймал себя на мысли, что и сам не прочь встать в эту очередь.

Идиллическую картину нарушил негромкий голос Бай Чуханя:

— Три сундука звонкой меди... Наш уездный судья Цзян на редкость щедр.

Сюэ Вэнь торопливо закивал. И как тут не согласиться? Три огромных сундука денег, и это только за первый день работы!

Щедр? Из уст любого другого это прозвучало бы как чистая лесть, но в тоне Бай Чуханя явственно сквозила тонкая ирония.

Цзян Умянь даже не повёл бровью. Он лишь одарил собеседника холодным взглядом темных глаз, в котором читалось скорее брезгливое раздражение, нежели предостережение.

— Слушай дальше, — отрезал он.

Это было лишь вступление. Настоящее представление сейчас давал Чжан Жун.

Советник встал на возвышении перед притихшей толпой. Он взмахом руки призвал всех к тишине и велел расступиться в стороны, чтобы даже те, кто стоял позади, могли хорошо видеть его и слышать каждое слово. На его лице играла приветливая улыбка, а взгляд лучился искренним сочувствием. Одетый в простое платье с местным южным колоритом, он заговорил на придворном диалекте, намеренно смягчая произношение под южный говор:

— Люди добрые, откуда бы вы ни прибыли! Знаю, ваши мысли сейчас только об обещанной похлёбке. Не бойтесь, наш господин судья слов на ветер не бросает. А ну-ка, поглядите туда!

Растревоженная толпа послушно повернулась в ту сторону, куда указывал его палец. Под наспех сколоченным навесом вовсю коптели походные очаги. В топках весело потрескивали дрова, рассыпая оранжевые искры, а дюжие стражники в кожаных доспехах уже взвалили на плечи тяжелые мешки. С глухим шорохом в огромные котлы посыпалось золотистое просо.

Человеческое воображение упрямо дорисовывало картину: перед глазами изголодавшихся людей будто наяву поднялся густой, ароматный пар. Им казалось, они почти физически чувствовали, как разварившаяся каша течет по пищеводу, наполняя пустые желудки живительным теплом, которое медленно разливается по застывшему телу. Настоящий сытный обед, какого они не видели уже целую вечность.

Чжан Жун не торопил их. Он позволил беженцам вдоволь налюбоваться этим зрелищем и, лишь когда большинство из них с трудом сглотнули слюну и очнулись, продолжил:

— Уезд нанимает людей на работу. Мы платим монетой и кормим досыта, но там, где есть плата, должен быть и порядок, так что слушайте условия. Дело предстоит спешное и важное: сперва нужно разобрать эти завалы и засыпать защитные рвы вокруг. Позже начнём восстанавливать городские стены и возводить новые амбары, так что без дела никто не останется. От вас требуется лишь послушание. Делайте то, что велят, и монета будет у вас в кармане. А те, кто проявит особое усердие, получат награду: кому-то набавят плату, кому-то добавят в похлёбку добрый кусок мяса, а кто-то сможет получить законное уездное подданство и навсегда вписать своё имя в здешние реестры! Точные правила — за какую работу сколько причитается и при каких стараниях положено мясо — уездная управа объявит совсем скоро, грамотные люди прочитают вам их вслух. Вопросы есть? Если нет, то сначала поедим, а потом за дело!

Среди беженцев мгновенно поднялся гул обсуждений, то и дело прерываемый гортанными выкриками на местных наречиях. Но Чжан Жун, ничуть не смутившись, заговорил на их собственном диалекте. Его речь лилась так плавно и естественно, будто он сам всю жизнь прожил в этих глухих южных горах.

Наблюдая, как под руководством советника растерянная толпа быстро выстраивается в ровную вереницу, усердно моет руки и разбирает глиняные тарелки, Сюэ Вэнь не удержался от восхищенного вздоха:

— Ну и мастер говорить этот твой советник. Речи так и льются.

Обездоленные скитальцы всегда оставались самой опасной и взрывоопасной силой. Стоило им почуять запах еды, как голод лишал их последнего рассудка, толкая на грабежи и насилие. Именно поэтому при появлении крупных банд беженцев власти обычно без лишних разговоров высылали войска для их усмирения.

Здесь же сброд был невелик, да и грозное присутствие стоявших неподалеку воинов карательной армии умирало любого, у кого в голодном бреду могла зародиться мысль разграбить котлы. Острые копья и тяжелые мечи заставляли самых отчаянных смирно стоять в строю.

Перед ними лежали реальная еда и звонкая монета, а разумный человек обещал: трудитесь, и всё это станет вашим, а особо верные смогут вернуть себе доброе имя и получить кров. Классический выбор между кнутом и сочным пряником — и каждый из этих бедолаг прекрасно понимал, в какую сторону склонить чашу весов.

— И где он только выучил эти дикарские наречия? — задумчиво поскрёб подбородок Сюэ Вэнь.
— Ему бы найти время да преподать мне пару уроков...

Сам генерал находился в провинции Линьнань уже три месяца, но до сих пор не понимал ни слова из местного говора, а когда придворный диалект коверкали провинциальным акцентом, для него это звучало как абракадабра. На улице ему приходилось изъясняться исключительно жестами.

Цзян Умянь слегка наклонил голову к плечу Бай Чуханя и окинул Сюэ Вэня коротким, бесстрастным взглядом. Под этим холодным взглядом генералу сделалось не по себе.

По правде говоря, они едва знали друг друга. Сюэ Вэнь видел юношу лишь несколько раз, когда приезжал в усадьбу их общего наставника, чтобы забрать Бай Чуханя обратно в лагерь. Цзян Умянь, как младший ученик, тогда вежливо провожал гостя до ворот.

И всякий раз, уже отъехав на приличное расстояние, Сюэ Вэнь краем глаза замечал хрупкий силуэт у дверей: юноша стоял с теплым бумажным фонарем в руке, провожая взглядом всадников, и уходил в дом лишь тогда, когда их след простывал в темноте переулков.

Генерал долго считал его кем-то вроде домашнего кота — таким же изящным, нелюдимым и гордым. Но в один прекрасный день пелена спала с его глаз, и Сюэ Вэнь с ужасом осознал: перед ним не ласковый зверёк, а матерый волк, который рвёт глотку без единого звука.

Тот день врезался в его память до мельчайших подробностей. На улице бушевала свирепая метель, в лагере никаких спешных дел не предвиделось, и Сюэ Вэнь остался ночевать в усадьбе учителя. После ужина, решив размять кости привычной тренировкой, он сошелся с Цзян Умянем в дружеском поединке.

Юноша, казавшийся совсем еще хрупким подростком, двигался с пугающей беспощадностью.

Каждое его движение было нацелено исключительно в смертельные точки: горло, солнечное сплетение, почки, виски... От этих ударов невозможно было защититься обычными приемами.

С той поры при виде Цзян Умяня у генерала противно ныло под ложечкой. Отчасти из-за уязвлённой гордости — надо же было так глупо обмануться, приняв хищника за неженку! — а отчасти оттого, что в честном бою он бы юноше попросту проиграл.

— А... что не так-то? — пробормотал Сюэ Вэнь, под тяжелым взглядом чиновника мгновенно растеряв всю свою спесь.

Он что, сболтнул глупость? И как только Бай Чухань умудрился сделать этого увальня своим помощником?

Цзян Умянь отвернулся и не спеша пошел прочь. Ветер донес его холодный, тихий голос:

— У советника Чжана время, может, и найдется, а вот у тебя времени учиться точно не будет.

Сюэ Вэнь недоуменно захлопал глазами и перевел вопросительный взгляд на Бай Чуханя, сиюсь разгадать этот ребус.

Мятежники в Линьнани разгромлены, их главари гниют в подземных казематах, а через несколько дней армия свернет лагерь и двинется на север, обратно в префектуру Сунцзян. В отличие от заваленного делами уездного судьи, у Сюэ Вэня под рукой была уйма подчиненных. Стоило отдать приказ, как колесики военного механизма крутились сами собой. Рутинные донесения читал военный писарь, важные бумаги забирал главнокомандующий Бай. Сам правый генерал был свободен как ветер. С чего бы ему вдруг не найти часок для учебы?

Бай Чухань со вздохом покачал головой, в очередной раз удивляясь, за какие грехи небо наградило его столь недогадливым помощником.

— Как думаешь, что произойдет, когда слухи о здешних щедротах разлетятся по округе? — негромко спросил он.

Одного этого вопроса хватило, чтобы заржавевшие шестеренки в голове Сюэ Вэня наконец закрутились в нужном направлении.

Условия, которые предлагал уезд Шаоюань, для изголодавшихся бродяг были пределом мечтаний. Стоило вестям об этом разлететься за пределы уезда, как со всех сторон сюда потянутся толпы обездоленных. Сначала прибудет тысяча, затем три, а там, глядишь, и до десятка тысяч дело дойдет.

И ладно бы речь шла о пропитании — уездная казна после разгрома четырех богатейших семейств ломилась от конфискованного добра, так что средств на кашу хватало с избытком.

Даже солдатам, которых одолжили для охраны порядка, платили по целому лянгу серебра на брата, а командирам сверх того жаловали зерно. И пускай сейчас эти вояки стояли с каменными лицами, сжимая древки копий, при виде задатка их физиономии расплывались в довольных улыбках до самых ушей.

Беда была в другом. Если под стенами города соберется многотысячная орава голодранцев, малейшая искра недовольства превратит их в неуправляемую стихию. Достаточно одному смутьяну пустить клич — и начнется новый мятеж. Чтобы не допустить хаоса и новой резни, карательной армии придется разбить лагерь неподалеку, зорко следить за расселением беженцев и в случае малейшей угрозы применить кнут и сталь.

Как правому генералу карательных сил, Сюэ Вэню действительно будет не до лингвистических изысканий. Ему предстояло в спешном порядке укрепить подступы к городу и возвести оборонительные рубежи, чтобы предотвратить любые попытки штурма со стороны незваных гостей.

— Ладно, строить редуты и разбивать лагеря — дело привычное, тут я справлюсь, — вздохнул генерал, но тут же хитро прищурился. — Но послушайте, командир. Судья Цзян тут сорит серебром направо и налево, нанимает чернь... А мы-то с вами почему стоим в стороне? Неужто не урвем и себе кусочек?

В военных делах Сюэ Вэнь порой казался непроходимым глупцом, но стоило зайти речи о выгоде, как в его голове мгновенно созревали самые хитрые планы.

Бай Чухань хлопнул в ладоши и ласково улыбнулся:

— Отличная мысль, отчего же нет? Сегодня судья Цзян разорил четырех местных богатеев и засыпал казну серебром. Глядишь, завтра и наш генерал Сюэ прижмет к ногтю самого министра чинов в столице и отберет у него золотые прииски. Смотри только, когда наступит тот день, не забудь поделиться богатством со своим командиром.

Сюэ Вэнь мгновенно переменялся в лице. «Ну и шуточки у него, — в ужасе подумал он. — Министр чинов сослал твоего названного брата в эту глухомань, а ты, значит, мечтаешь упечь старика в казематы Тайного сыска?»

Он тут же вытянулся в струнку и с самым благочестивым видом отчеканил:

— Да при чем тут презренный металл, господин командующий! Служба императору и защита Великой Чжоу — наш священный долг. Ваш покорный слуга, хоть и не блещет талантами, готов приложить все силы ради общего блага. Позвольте мне заняться обустройством тылов, дабы облегчить вашу участь!

Договорив, он поспешил откланяться. Этот лис Бай Чухань опять затевал какую-то каверзу, и оставаться рядом было попросту опасно для рассудка.

Однако Бай Чухань удержал его за плечо:

— Куда же ты так спешишь? Нам еще нужно обсудить с господином Цзяном, как именно он планирует распределять эти богатства.

Сюэ Вэнь лишь мысленно скрипнул зубами. «Командир, вы тоже за словом в карман не полезете...»

Тем временем Цзян Умянь вернулся в управу и склонился над картой уезда, делая быстрые пометки кистью.

В его голове уже созрел подробный план по возрождению уезда Шаоюань, однако многие идеи из его прошлой жизни местным жителям показались бы безумными или дьявольскими. Поэтому он кропотливо дробил общую стратегию на мелкие, понятные шаги, расписывая каждую мелочь и назначая ответственных. Стена уездного благополучия должна была возводиться медленно, кирпичик за кирпичиком.

В кабинет тихо вошел советник Линь Шоуюань со стопкой бумаг в руках.

— Господин судья, взгляните на смету, — почтительно произнес он, протягивая документы. — Строительство новых амбаров откладывать более нельзя. На последних страницах я указал расходы на материалы и рабочую силу. Это самая крайняя цена, если попытаемся сэкономить еще хоть немного, новые стены рухнут при первом же сильном ливне.

Линь Шоуюань растерял весь свой привычный невозмутимый вид и нахмурился:

— И еще кое-что. Если мы пустим слух о раздаче зерна и плате за работу, под стены уезда хлынет нескончаемый поток беженцев. Столь огромную толпу голодных людей будет крайне трудно держать в узде.

— Зерна у нас в достатке, а для усмирения бунтовщиков под рукой есть карательная армия, так что беженцы — забота пустяковая, — ровным, леденящим душу голосом ответил Цзян Умянь.

На самом деле привлечение бесприютного люда было ключевой частью его грандиозного замысла.

Этот мир разительно отличался от его прежнего. Здесь не знали сложных машин, а наука находилась в зачаточном состоянии. Что в таких условиях становилось главной движущей силой любого прогресса?

Человеческие руки. Обычная мускульная сила.

Коренное население Шаоюаня едва справлялось с обработкой полей, обеспечивая уезд лишь самым необходимым пропитанием. Беженцы же, лишённые земли и крыши над головой, идеально подходили для того, чтобы стать новой рабочей силой. Оторвав их от традиционного земледелия и направив на строительство дорог, верфей и мастерских, Цзян Умянь рассчитывал заложить основы самого примитивного, но действенного ремесленного производства.

Вошедшие в этот момент в кабинет Бай Чухань и Сюэ Вэнь замерли на пороге, услышав его последние слова.

Пустяковая забота? Если бы усмирение голодной черни было столь простым делом, то правителям былых династий не приходилось бы каждую зиму дрожать от страха перед крестьянскими бунтами.

— Похоже, у нашего господина судьи припасен весьма занятный план, — с мягкой улыбкой произнес Бай Чухань, проходя к столу. — Не поделитесь ли своими соображениями?

<http://bllate.org/book/19045/1911336>